

ВДОХНОВЕНИЕ НЕ ПОСЕЩАЕТ ЛЕНИВЫХ

Если бы статье о дисциплине труда в нашем горячем цехе «Искусство» нужно было предпослать эпиграф, я бы обратилась к дорогой мне мысли Петра Ильича Чайковского, которую он повторял не однажды, по-разному формулируя. Суть ее: вдохновение не любит посещать ленивых.

Да, художник, даже ярко одаренный, не может жить без самоотверженного труда, без строжайшей творческой дисциплины!

И эту любовь к труду, эту внутренне осознанную необходимость дисциплины творчества надо прививать с первых шагов в искусстве. Наставничество в этой тонкой области духовной деятельности имеет свою специфику, но оно эффективно. И коммунист в сфере искусства прежде всего может проявить свою авангардную роль как авторитетный наставник, Учитель.

Каждую осень, входя в аудиторию первокурсников с противоречивым чувством радости и тревоги, я всматриваюсь в еще незнакомые лица. Они всегда такие радостные — сплошь! Ведь к нам — даже случайно — не могут попасть неудачники, не выдержавшие экзамен в другом институте. В консерваторию, в ГИТИС, во ВГИК идут только те, кто одержим мечтой служить искусству. Перешагнув порог вуза, наши студенты чувствуют себя самыми счастливыми. Одна мечта в их жизни уже сбылась! И все верят в дальнейший успех.

Отчего он зависит?

Еще недавно считалось, что учиться творческой профессии надо непременно в Москве или Ленинграде. Теперь, как известно, на арену мирового искусства вышли воспитанники почти всех художественных вузов страны. Мы гордимся, что Казахскую консерваторию окончили народные артисты СССР, лауреаты Государственных премий СССР Ермек Серкебаев, Бибигуль Тулегенова, народный артист Казахской ССР, лауреат союзных и международных конкурсов вокалистов Алибек Динишев.

В казахском народе самая уважительная похвала человеку: «Крепко сидит в седле». Это значит, что человек основательно и точно выбрал главное дело жизни, нашел в нем себя. И никакие превратности судьбы не вышибут его из седла. С малолетства ребяташек учат ездить на лошади. Казахские степи — широкие, бескрайние. Чтобы жить и трудиться здесь, надо быть хорошим джигитом. Чтобы достойно жить в искусстве, надо быть отважным и сильным.

И в стихах, и в прозе больше написано о том, что вдохновение, творческое озарение приходят путями неисповедимыми. Но каждый художник знает, что только труд воспитывает мастеров искусства, так же, как только в труде становятся настоящими хлеборобами, шахтерами, металлургами... Более того, искусство — это постоянный упорный труд, а художник — это не просто специалист, или, как говорят социологи, «род занятий». Это, если хотите, образ жизни. Особенность нашей профессии заключается в том, что она обязывает работать ежедневно не восемь — двенадцать часов в сутки, а непрерывно — все двадцать четыре. И даже во сне. Это не метафора, но аксиома, ее справедливость засвидетельствована тысячелетней практикой классиков. Она подтверждена достижениями наших современников.

Передо мной с детства был пример моего отца, Ахмета Жубанова. В нашем доме все было подчинено его работе, и постоянно звучала музыка, говорили — о музыке, спорили — о музыке. Главным делом жизни было служение музыке.

С ранних лет мечтала я жить, как отец. Я любила его роля, любила его музыку.

Читала те книги, которые он читал.

В Московской консерватории судьба одарила меня дважды: учителем — талантливым композитором Юрием Шапориним и сокурсником, по сей день верным товарищем-единомышленником Родионом Щедриным. И тот, и другой — Учитель и ученик — великие труженики, одержимые музыкой. Уже в студенческие годы было ясно, что Щедрин талантлив, глубоко и широко образован. Корневая культура — благодатный фундамент для природного дара. Такие вот были у него идеальные предпосылки. Но ведь можно привести немало горьких примеров, когда предпосылки не реализуются. Непременное условие для того, чтобы человек стал мастером своего дела, — труд. Еще студентом Родион Щедрин поража нас и заражал радостной и неутомимой работоспособностью. И в зените своей композиторской славы он остается таким же тружеником.

Газиза ЖУБАНОВА,
народная артистка СССР

Хорошо знаю, как на гребне славы не дает себе передышки другой выдающийся мастер, коммунист Ермек Серкебаев. Когда он поет, я сижу в зале гордо. Его прекрасный редкий голос — праздник. И еще: какое бы произведение Ермек Серкебаев ни исполнил — классическое, камерное, народное, — оно всегда филигранно отделано, отработано.

С большим уважением хочу рассказать о своем ученике, молодом коммунисте Тулегене Мухаметжанове, имя которого пока не многим известно. Случай его особый. Он вышел на художнический старт с большим опозданием. Музыкально одаренный от природы, чувствующий это в себе, Тулеген не сразу решился избрать путь художника. На вопрос, что хуже — недооценка или переоценка своих творческих способностей, почти никто не решится ответить однозначно, ведь и жизнь отвечает на него по-разному.

Тулеген поступил в Семипалатинский педагогический институт, успешно окончил исторический факультет. И тогда только поступил не в консерваторию, а на ее двухгодичные подготовительные курсы. Можно представить, скольких сомнений и колебаний ему это стоило, как отговаривали его от «безумного шага» степенные люди: за два года на подготовительных курсах Мухаметжанов должен был одолеть программу музыкальной школы, рассчитанную на одиннадцать лет. Одолел! С третьего курса консерватории Тулеген стал ленинским стипендиатом. На четвертом и пятом — лауреатом республиканского и Всесоюзного конкурсов молодых композиторов. Получив диплом о высшем образовании, он уехал на два года стажером в Московскую консерваторию. Опоздав на старте, композитор Мухаметжанов обогнал многих своих одноклассников, сверстников по творческим результатам. Уже замечены и отмечены его песни, симфонические произведения.

Побеждают талант и труд. Только вот так — в тесной связке! Ничто, наработанное, не остается для художника бесполезным. Истаф дал Тулегену тот идейно-теоретический и нравственный фундамент, которого, к сожалению, некоторым художникам как недостает.

В башне из слоеной кости талант чахнет. Он должен быть связан с людьми, с миром, по мере сил своих участвовать в решении проблем экономических и политических, эстетических и философско-нравственных. В процессе достижения внутренней зрелости каждый худож-

ник обязан пройти свой университет гражданственности. Художник, тем более художник-коммунист, не может не быть общественным деятелем, не может не брать на себя практические задачи по совершенствованию советского образа жизни.

Когда я согласилась стать ректором Казахской государственной консерватории, некоторые товарищи считали, что я творчески выдохлась, решила стать администратором, поставить крест на своей композиторской деятельности. Теперь, поздравляя меня с новыми музыкальными произведениями, с оперой «За нами Москва», выдвинутой на соискание Государственной премии СССР, они же спрашивают меня: «Когда успеваешь? Открой секрет».

Никаких секретов нет. Есть жесточайшая самодисциплина. Нет ни минуты на суету, на жизнь «просто так». Работа в консерватории меня очень дисциплинирует, обязывает постоянно держаться в творческой форме. Я по долгу ректора, коммуниста обязана подавать пример своим ученикам и как педагог, и как композитор. Вижу их глаза, когда читаю лекцию. Когда пишу музыку.

С первого курса мы стараемся внушить нашим студентам, что в судьбе художника главное зависит только от него самого. Труд, труд и еще раз труд! **Самовоспитание, самообразование, саморазвитие. Само!**

Каждый год после государственных экзаменов я тревожусь за наших выпускников: как сложится их творческая судьба? Жизнь?

Все выпускники нашей консерватории сразу получают возможность заниматься творческой работой, но не все реализуют предоставленные им возможности, не все достигают счастья в искусстве. Поэтому и душа болит. Время от времени консерватория получает «рекламацию» на выпускников, не умеющих, а то и не желающих честно и добросовестно пользоваться великим правом на труд. Мы, педагоги, постоянно анализируем свои просчеты. Выработываем более совершенные формы обучения, воспитания. Но если нам даже удастся достигнуть идеала (ну, вообразим, что это так!), вуз только отправляет начинающего художника в путь, передает его в какой-то творческий коллектив: театр, филармонию, Союз композиторов. Сумеют ли там поддержать и развить в молодом одаренном человеке то лучшее, что есть в нем? Сумеют ли выпестовать художника-гражданина?

К сожалению, не всегда жизнь дает ответ положительный. В некоторых коллективах недостаточно благоприятные условия для проявления творческой энергии, трудовой и общественной активности. Начинающих иногда «закимают»: молодозелено, успеет. Что еще опаснее — выбивают из седла снисходительностью, нетребовательностью.

Для творческих коллективов так же остро, по-моему, звучит требование нашей партии об укреплении социалистической дисциплины труда. Тут решающее слово и действие — за партийными комитетами, за коммунистами. Низкая дисциплина в художественном коллективе иногда приводит к невосполнимым потерям в искусстве.

Последние два года мне как члену партийного бюро поручен сектор творческих связей консерватории с художественными коллективами республики. Я являюсь членом художественных советов Академического театра оперы и балета им. Абая и Казахского гостелерадио, репертуарной комиссии Министерства культуры Казахской ССР.

В Алма-Ате есть возможность следить за работой наших выпускников, своевременно им помогать. Например, солисты оперного театра, получив дипломы, продолжают заниматься со своими педагогами. Многие наши бывшие студенты преподают в консерватории. К сожалению, за последнее время мы забыли о некоторых наших выпускниках, уехавших в областные центры. Но эту свою оплошность непременно исправим. Есть конкретные планы, обязывающие каждого из нас трудиться самоотверженно, постоянно заботиться о будущем советского искусства.

АЛМА-АТА.